Жемчуг мастерства

Многошумно и разнозвучно море современного эфира. Но и на телеканалах, и на радиоволнах очень редок голосовой поток, построенный и звучащий по классическим нотам речевой культуры. Сдается, что совершенная орфоэпия для большинства "Орфеев микрофона" - абсолютно незнаемый мир. А уж тембровая красота звучания вообще становится исчезающей, реликтовой реликвией. Эта тема - боль сердца у мастеров звучащего слова старой школы. И потому я не стал бередить ею душу одного из самых преданных ее учеников - Дукеша БАИМБЕТОВА, заслуженного работника культуры РК, академика Академии журналистики Казахстана. Известному мастеру пера и микрофона, высококлассному диктору радио и телевидения, лауреату высших журналистских премий страны - "Алтын Жулдыз" и "Алтын Самрук" и так было о чем рассказать в неторопливой прогулке с оглядкой на памятные вехи творческой жизни.

- Дукеш, я предлагаю пройтись по горам. Принимает ли сердце это предложение? Или что-то настораживает?

- Принимает. Дыхание не перехватывает.

- На любой высоте?

- На любой. Но, конечно, чем выше поднимаешься, тем бывает труднее.

- И в профессиональном плане?

- И в профессиональном тоже. Чем выше, тем сложнее. И тем и приятнее сознавать, что ты преодолел еще один подъем, еще один рубеж.

- Тогда нам придется подняться не на одну какую-то высотку, а на цепочку вершин. Ведь творчество - именно такая цепь. Где-то холмик, где-то гора высокая, а где-то пик, не доступный другим... Вспомните, когда впервые возникло это ощущение - взятия высоты?

- Пожалуй, сразу после школы. Отец собрал последние свои денежки и отправил меня поступать не куда-нибудь, а в Москву. Он работал и учителем в школе, и заведовал магазином - пробовал себя в "советском бизнесе". В ту пору его жизни я и родился, и он дал мне имя Дукенбай. "Дукен" - это "магазин". "Дукенбай" - *"богатый магазин"*. *И товаром, и прибылью. По-современному - супермаркет.*

- "Супермаркет Алиевич"!

- Он самый! Это потом уже, когда все называли меня Дукешем, я и паспорт поменял, и во всех своих дипломах стал Дукешем.

А поступать я решил в Московский полиграфический институт на редакторский факультет.

- Что определило этот выбор?

- Я с детства любил слово. Много читал. И книги, и газеты. И мне захотелось стать одним из тех, кто выпускает разные издания, мечтал научиться работать с текстом. И, конечно, самому писать. Но не попал - не набрал необходимого числа баллов. Пришлось возвращаться в родной Акмолинск - нынешнюю Астану. Это было в конце 1950-х. Чем заняться? Пошел на завод "Казахсельмаш", в рабочий класс. Приняли меня учеником токаря, и уже в ближайший понедельник я должен был выйти к станку.

И тут слышу по областному радио: объявляется конкурс дикторов русского вещания. Сбор завтра. И я подумал: а почему бы мне не попробовать стать диктором?! Я должен участвовать в этом конкурсе! И пошел. Это и было первой попыткой подъема. Во мне всегда жило желание чего-то добиться, хотя, признаюсь, постоянно приходилось преодолевать свойственную мне леность. Все время с этим борюсь.

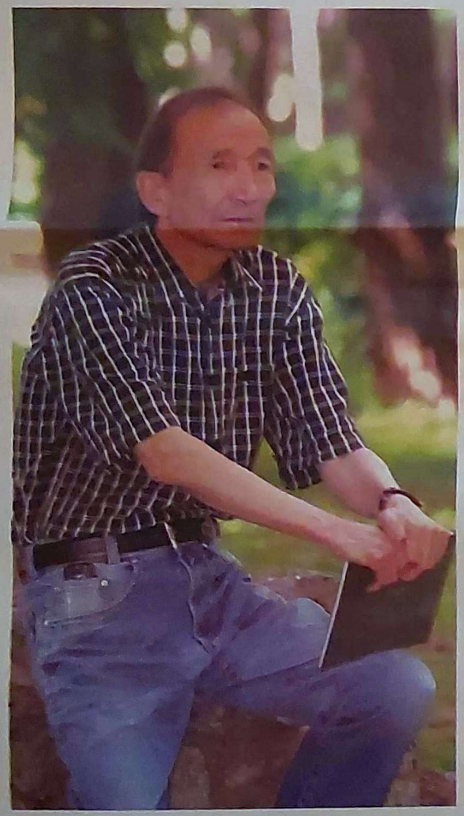
- Как-то не слишком верится, что никто никогда (хотя бы в школьные годы) не отмечал ваших уникальных природных голосовых данных.

- Реплики были, но не помню, чтобы я обращал на них особенное внимание. Меня вело желание: говорить по радио! Передо мной стоял пример великого диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана. Я с малых лет слушал его голос из репродуктора. В 1940-1950 гг. во многих домах висели такие громкоговорители - "черные тарелки". "Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!. От Советского Информбюро!" То был главный голос Родины! И какой голос!

В том конкурсе на Акмолинском областном радио приняли участие семеро претендентов. А место было одно. Среди соискателей дикторского счастья я увидел даже одного из моих школьных учителей. Прошли мы испытание микрофоном. И на завтра был объявлен победитель.

- Дукеш Баимбетов!

Кое-какие эпизоды из того времени, в том числе и смешные, я описываю во второй своей книжке, которая будет называться "В кадре и за кадром". Я там вспоминаю, как, в первый раз выйдя с новостями в эфир, я сказал, завершая выпуск: "Последние известия" читали дикторы Абатурова и... я!" Мои друзья долго хохотали: о, "диктор Я" идет!



Всю жизнь я испытываю благодарность к тогдашнему руководству Акмолинского (вскоре ставшего Целиноградским) телерадиокомитета за то, что через считанные годы я стал читать новости параллельно и на радио, и на телевидении. Потом окончательно перешел в телестудию, работал и диктором, и ведущим тематических передач, и журналистом. И был просто счастлив, когда меня прислали на полугодовую учебу в Москву на высшие дикторские курсы Всесоюзного радио. В те годы градация была такая: диктор-практикант, диктор третьей, второй, первой и высшей категорий. Однако диктора первой категории в областных комитетах вообще иметь не полагалось. Вторая категория - потолок. С этим "потолком" я и отправился в Москву.

Занимался с нами легендарный Юрий Левитан, мой "Бог". Он же был председателем комиссии, которая тарифицировала выпускников курсов. В ее составе были известные на всю страну дикторы - Ольга Высоцкая, Наталия Толстова... Мне была присвоена высшая категория союзного значения, минуя первую. Я получил право работать на радио в любом городе страны на первых ролях. И ставка была соответствующая.

- Итак, первые вершины ваши мы обозрели.

- Следующие достижения были связаны уже с журналистикой. Я сказал себе: "Не довольно ли читать чужие тексты? Не пора ли самому начать писать?" Еще будучи только диктором, я стал готовить материалы для молодежной радиостанции "Товарищ" (целиноградский аналог московской "Юности"). Ее возглавлял Владимир Романович Гундарев, нынешний главный редактор журнала "Нива", мой давний друг.

Первым моим учителем в журналистике был главный редактор областного радио Моисей Михайлович Гольдберг. В апреле этого года мы отметили в Астане его 80-летний юбилей, но он продолжает работать в двух газетах!

Моисей Михайлович всю жизнь плодоносит творческими идеями. Я вечно, сколько, бывает, часами мучаюсь, ища нечто оригинальное, небывалое, какой-то новый интересный прием. Ну, никак! Звоню Гольдбергу, излагаю суть, готовый к тому, что мэтр скажет: "Дай время подумать, перезвони мне тогда-то". А он с ходу: "А если вот так подойти, Дукош!" Я сражен: "Как сам-то не додумался! Моисей Михайлович, это же грандиозно!"

Не забыть мой первый материал, название которому дал М. М. Гольдберг, - "Жемчужина есть - нужна оправа". "Жемчужина" - это Балкашинский район Акмолинской области. Изумительное сочетание озер, гор, лесов. Возвести бы там дома отдыха и санатории - они могли бы стать достойной "оправой" этому природному чуду. Я объездил район, подготовил текст, положил рукопись перед главным редактором. Он прочел и косо так встает из-за стола (у него одна нога еще с фронта не сгибалась): "Пойдем в машбюро". Подсаживаемся к машинистке, и он говорит: "Дукеш, а если начать так...". И принимается диктовать. Я шепчу: "Гениально, Моисей Михайлович!" Таким вот образом он перефразировал до 90 процентов материала, сохранив мою подпись "автора"! В таком виде я и озвучил его в радиостудии. Было это, если не ошибаюсь, году в 1963.

- Это было восхождение, можно сказать, "в связке" с мастером. А каким было собственное покорение журналистских высот?

- Не просто ответить. Я все время учусь, хотя столько лет в эфире! Радио - областное и Всесоюзное, телевидение - республиканское и Центральное (ЦТ)... Я и сейчас, если что-то интересное вижу, читаю или слышу у молодых коллег - слово, фразу, выражение или же какой-то новый подход, прием, то всегда говорю: "Вот молодец! Надо бы и себе взять на вооружение". В творчестве последней планки не бывает.

На телевидении я как журналист начинал с новостных сюжетов, делал передачи различной тематики. На радио вел свою авторскую программу "Патриот". После учебы в 1974-1976 гг. в Алматинской высшей партийной школе (ВПШ) на отделении журналистики вернулся в Целиноград, работал старшим редактором в редакции информации областного телевидения.

Памятен и такой эпизод, не связанный с электронными СМИ. В 1977 г. в связи с юбилеем Октябрьской революции 1917 г. главный режиссер Целиноградского Русского театра драмы им. М. Горького Илья Иванович Сермягин ставил спектакль "Чрезвычайный комиссар" по пьесе А. Алимжанова и М. Симашко. Я был приглашен на главную роль Алибы Джангильдина. Постановщик нашел между этим образом героя гражданской войны и мной имиджевую, как бы сейчас сказали, перекличку. "Я же не актер", - говорю режиссеру. А он: "Ничего, Дукош. У тебя получится".

Как раз в тот момент у меня распался брак, и мне влепили по партийной линии строгий выговор с занесением в учетную карточку. И секретарь по идеологии Целинного крайкома партии заявила: "Как?! Роль кристально чистого коммуниста будет играть этот!" Поставила на мне крест. Ей, видимо, было невдомек, что первый большевик Казахстана не раз был женат. Но Илья Иванович не смутился, дошел до первого секретаря крайкома. Им был тогда Николай Ефимович Кручина, который не только поддержал идею, но и пожелал мне успеха. Мы сыграли спектаклей 10. И один даже в Алма-Ате. То была моя дебютная, но, к сожалению, последняя театральная роль.

В молодые годы мне также довелось быть некоторое время одним из солистов и петь в хоре и ансамбле песни и пляски "Целинник". Мы и в Москве побывали с концертами.

- Тоже своего рода творческие вершины.

- Причем непредвиденные. В 1977 г. я переехал в Алма-Ату и несколько лет проработал на студии "Казахтелефильм" в редакции подготовки программ для ЦТ. Мои сюжеты неоднократно шли в информационной программе "Время". И когда летом 1980 г. в Гостелерадио СССР открылась вакансия собкора по Казахстану, я принял участие в конкурсе. Что поразительно: я поделился этим помыслом с известным целиноградским оператором и режиссером Яном Граником и услышал: "Да не смеши ты!"

- Все эти люди покорили сердце Дукеша, а чьи сердца покорил Дукеш?

- Хотел бы надеяться, что душу кого-то из моих слушателей и зрителей. Особенно приятно, когда люди спустя годы помнят мои материалы - их темы и порой даже даты выхода в эфир. Бывают отклики совершенно неожиданные. Еще когда я работал для Москвы, иду однажды по вечернему городу в Голландии и вдруг слышу возглас: "Дуеш Баимбетов!". Бог ты мой, да кто ж меня в Нидерландах может знать! Оказалось, что это приезжий из Бишкека, которому запали в сердце мои репортажи. А-то где-нибудь в ауле подойдет карасакал и мнется: "Дуке, я хочу пожать вашу руку". Это ничем не измеримое счастье. Вот что я бы назвал главной своей вершиной.

- Мы не отведали медок из еще одной вашей бочки. Это документальные видео- и кинофильмы.

- Их больше сотни. В основном это кинофильмы. Я там выступал и как сценарист (иногда вместе с моим московским другом Григорием Фрумкиным), и озвучивал эти ленты.

Горжусь серией из десяти фильмов по десяти предыдущим Посланиям главы государства народу Казахстана, снятых в телерадиокомплексе Президента РК. Особая сложность была связана с адекватным переводом этих важных и сложных материалов на киноязык, доступный широкой зрительской аудитории. И с решением проблемы видеоряда. Я благодарен творческому коллективу и этого комплекса, и пресс-службе Президента РК за солидарную и слаженную работу. Все эти фильмы продублированы на казахский язык. Но озвучены, правда, не моим голосом.

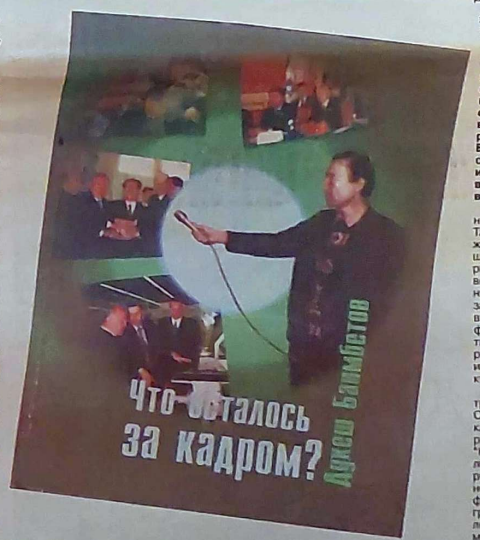
- Как думаете, эта серия будут интересна зрителям XXII века?

- Несомненно. Ведь это отражение истории нашего государства, периода его начального становления. Быть может, и не все пока осуществилось из того, о чем говорил Президент в своих десяти Посланиях народу Казахстана. Но многое. Недаром один из фильмов мы назвали "За словом - дело".

- Имея столь солидный творческий опыт, сидеть на бочках со своим медом было бы, наверное, не по-хозяйски. Передаете ли вы свое мастерство ученикам? Ведете ли практические курсы в помощь начинающим журналистам? Готовите ли к публикации не только автобиографические книги, но и какие-то методические пособия?..

- Ученики у меня есть, они сами знают, кто их наставник. Собственных спецкурсов в вузах или на каналах я не веду. Но, посмотрев ту или иную программу или сюжет молодого автора, бывает, звоню ему и высказываю свои замечания. Не было случая, чтобы в ответ меня не поблагодарили.

- Это своего рода заочная школа журналистского мастерства.



- Именно заочная. Но можно подумать и о выступлениях (если поступят соответствующие предложения) на каких-то курсах перед журналистами из областей с рассказами о своем опыте. Это, мне думается, будет действительно более эффективная форма общения, нежели заочная школа мастерства, носящая пока индивидуальный характер.

Сейчас работаю над одним проектом, который можно было бы разместить на каком-то телеканале. Его зерно - совместное ведение с молодым журналистом одной из телепрограмм.

- Этакий дуэт мастера и подмастерья?

- Почему бы нет? Юный коллега будет обращаться к своей аудитории, я - к людям постарше. Польза, как мне кажется, может быть разносторонней.

- А теперь я попрошу вас бросить взгляд на пока еще не достигнутую вершину, где бы вам хотелось водрузить свой личный стяг.

- Трудно сейчас сказать, честно говоря. Кто знает, что я смогу "выкинуть" под старость лет? Может быть, это будет нечто столь оригинальное, чего еще не было ни на одном телевидении. Вот заманчивая вершина! Чтобы завтра в той же России сказали: видели, какую в Казахстане придумали интересную вещь?! А ведь ее автор - *наш страдающий корреспондент* Дукеш Баимбетов!

Я хотя по годам уже не больно молодой, но по своим стремлениям и взглядам остаюсь и останусь молодым, пока не закроются мои глаза.

- И последний вопрос, ответ на который мне очень хочется знать. Нет ли в глубине вашей души некоей складочки? Оттого, что весь свой немалый творческий - и дикторский, и журналистский - потенциал вы так успешно реализовали в сфере русской, а не казахской речи? Ведь как бы это подняло профессиональное мастерство Дукеша Баимбетова и престиж родного языка в казахстанском обществе, и уровень национальной журналистики.

- Никакой "складочки" в душе моей нет. Трудно быть семи пядей во лбу. Так сложилось, что я русскоязычный журналист, хотя и окончил казахскую школу. Классическую казахскую литературу я читаю в оригинале, не в переводах. Порой я озвучивал собственные материалы, переведенные на казахский, и многие коллеги удивлялись высокому уровню моей казахской орфоэпии. Иной раз я употребляю в речи такие выражения, что даже мои товарищи, которых трудно чем-то удивить, изумляются: "Дукеш, откуда у тебя такое знание языковых тонкостей?"

Известно, что в советское время требовалось знание русского языка. Однажды мой отец, держа в руке стакан, спросил меня: "Как это будет по-русски?" Я ему по-казахски отвечаю: "Не знаю". Он как шмякнет меня по лбу оном стакана и сказал: "Учи! Без русского языка ты ничего не достигнешь в этой жизни". Позже я окончил филологический факультет Целиноградского пединститута, потом отделение журналистики в ВПШ. Все время писал на русском. Будучи диктором, читал на русском. И мыслил по-русски. Так надо ли мне себя ломать, тем более если в отечественных СМИ работают тысячи прекрасных журналистов, отменно владеющих письменной и устной казахской речью.

- И все же в конце нашей прогулки, подытоживая разговор, мне, русскому человеку, хочется выразить сожаление, что среди "эдельвейсов успеха", сорванных Дукешем Баимбетовым при многократном покорении вершин журналистского мастерства, нет цветов, выросших в ковыльной степи казахской речи.

Фото Малса ЕТЕКБАЕВА